

Земля Санникова

— Колюшка, щас по капельке — и уходим в плавание. Курс — норд-ост, земля Санникова!..

Уловив вопрос в моих глазах, просто, как нечто привычное и давно устоявшееся, старик сказал: — Золотце моё, я — Санников. Значит, и остров — Санникова!

Выпив свою капельку, Юрий Иванович крикнул от удовольствия и мягко, по-гусиному вразвалочку зашагал к трапу.

Ещё прошлой осенью, в сентябрьские дни, отшельник, житель пригородной деревни, егерь заводского охотничьего стана Юрий Иванович Санников был бодр и здоров. Прошёл год, и я едва узнал его. Обличьем и повадками егерь изменился мало. Однако передвигался медленно, переваливаясь с боку на бок, как старый селезень. Мой товарищ, председатель заводского общества охотников Николай Бухонин, пояснил:

— Поморозился зимой, ноги почернели. Хирурги отчекрыжили половину ступней. После ампутации недолго сидел в деревне. Засунет ноги в валенки с калошами, в руки самодельные костыли — сам из берёзы выстрогал, ошкурил, — и на озеро. Уму непостижимо, как настырный старик бродит туда-сюда, из деревни на озеро и обратно, целых два километра. Говорит: «Надоело лежать на печи, душа на берегу отдыхает!»

Санникова знаю не первый год. Приезжая по пороше тропить зайчишек, останавливаемся у старика. Дома он редкий гость, больше пропал на стане.

— Вам, ребята, из деревни не выбраться, — сказал он в один из таких визитов, — осень мокрая была, увязнете в колеях. Оставляйте-ка машину на подворье, прогуляйтесь ножками.

Час был рассветный, а со стороны сельского погоста, перешагивая через ухабы и рытвины, шла молчаливая процессия.

— Наркомана хоронили, молодого парня, — пояснил егерь. — В толк не возьму: почему ночью? Скрытно от глаз людских? Да ведь в деревне об этом бедствии всякая собака знает.

Несколько лет назад у Санникова свели корову. К отёлу дело шло, прибýtка ждали. Пока с бабкой в баньке парились, кормилицу украли. Старый охотник нашёл по следу глухое место, где бурёнку

разделали, но правду узнал позже. Двое местных оболтусов, кому любой труд в тягость, ограбили стариков. Подкупили конфетой несмышлёного мальчика, на него собака не взяла. Мальчонка взял вилу и выгнал животину из загона. Потрагив деньги от продажи мяса, потом и соседа, что жил через дом от Иваныча, как и коровку, жизни лишили. Деньги на дозу искали. Одному из поделников девять лет дали, парится на нарах. Второго вот на кладбище снесли: пока суд да дело — умер от передозировки.

— Бог шельму метит, — тяжело вздохнул Юрий Иванович, провожая взглядом земляков, отводящих лица от сочувствующего взгляда Санникова, — да ведь соседа и парня этого, при луне закопанного, особо родных, ещё жалче.

Душа русская отходчива. О корове, пропадая на озере, забыл и думать. Да и сено в зиму не косить. Дышать стало легче, один из троих сыновей — фермер. Землю пашет, пшеницу сеет, берёзу валит, дрова дачникам продаёт. Но жизнь, в колхозе прожитая, уже прошла.

От грустной утренней прелюдии потемнело в душе, поблёлка в глазах лёгкая, как перо, белая пороша. Но зайчишек всё же добыли. Спасибо егерю, он по обычаю гостеприимно уступил звонкоголосого лопухого спаниеля Рича.

Пороша, снедаемая на глазах солнечными лучами, быстро почернела, обнажив бурьянное царство бывлой пашни. Правильно говорят старики: первая пороша — не санний след.

Мы снова у Иваныча. На немощного, больного старика он не похож. Непоседлив, гостеприимен, та же небесная синь в глазах. Стан захлестнула большая вода, пришедшая по рукотворному каналу из соседнего урочища, подтопленного очистными сооружениями. Уходит под воду живописный, в кологривых соснах, полуостров, много годков служивший удобным пристанищем охотничьему стану. Обновляя строения базы, построили новую гостиницу, ещё не успевшую приютить ни единого человека, и вот — такая оказия. Завтра сходим на лодке, посмотрим, что там осталось. Иваныч живёт на крутояром берегу в домике-вагончике, здесь и принимает заводских людей, путёвки выписывает.

Остановились на челнок. Лёжа на полу вагончика, застеленном шелковистыми овчинами, я думал о предстоящем путешествии. За те годы, пока город сбрасывал стоки в заболоченную пойму лесного урочища, мелкое озёришко превратилось в могучее озеро, уничтожившее береговые леса, затопившее сотни гектаров пахотной и сенокосной земли. Полуостров с охотничьим станом превратился в остров. Лёжа на границе, озеро грозит затопить сельхозугодья соседней области, и уже сооружена плотина, чтобы отсечь прорыв воды в направлении соседних деревень. Сооружение, на мой взгляд, малоэффективное. Весеннее половодье прорвало плотину на флангах уже в первую весну. Ушла под воду прямая дорога, накатанная по перешейку мимо обширных федеркульских болот, затоплена колея, пробитая на полуостров через камышовую падь. Вода точит берега, роняет вековые сосны. На охотничью базу, зажатую со всех сторон водой, мы и собрались идти на вёсельной шлюпке Иваныча.

Лёжа в полусумраке на мягком ложе из овчин, чувствовал, как в ладони, пахнувшие рыбой, тычутся нежные пушистые комочки. Почуяли съестной запах и вылезли из гнезда рыжие котята — дети Маруси-охотницы и ленивого Чубайса. Ещё вечером любовался тигриного окраса Марусей, несущей в зубах крупного окуня, оброненного, очевидно, чайкой или бакланом. На эту идиллическую картину вальжанный рыжий котяра Чубайс, свернувшийся на плоскости массивного берёзового швырка, даже не поднял головы.

Засыпая на уютных овчинах, я слушал рассказ старика, соскучившегося по собеседникам. Приезд председателя со своим другом ему в подарок и честь.

— В здешней округе, Колюшка, — говорил старик, журча в тиши жилища мягким голосом и не забывая доливать в стаканы, — стояли деревни Омелино, Пеньково, Оглупово, да было несколько хуторов. Меня-то произвели в Оглупово. Родная бабушка там в церкви венчалась. Деревень и хуторов этих, почитай, уж нет. Я в нашей Шкотовке доживаю. В Оглупово родился, да, пожалуй, и прожил глупо, бестолково. А сейчас толково ли? С древними стариками в деревне двадцать четыре двора. Есть крепенький мужик-фермер, но и ему под силу вспахать и засеять невеликое поле. А тысячи гектаров пашни заросли бурьяном, берёзой и осинкой. Власть обо всем знает, да уже не вытянуть деревню из болота, тяжёлый крест.

Долог июльский день. Не спали до первых пелухов, чьи приглушённые голоса, пронзая берёзовые рощи, не пробудили, а усыпили Иваныча, плескавшего за разговором по капельке в металлическую кружку. Охмелел от угощения, но крепок и стоек старик, как деревянный солдатик. Говорит, что, пока не охотничий сезон, высыпается днями,

часто бодрствуя до рассветного часа. Сухой ствол берёзы распустит, полешки порубит, домиком займётся, утепляя в зиму. В домике-вагончике, на совесть утеплённом, с жаркой печкой-буржуйкой, собрался зимовать.

— Много ли натопчусь на своих ногах? Здесь пе-резимую, на берегу, — рассуждает старик.

Обустроить жилище помогает хороший приятель, шахтёр-ветеран Владимир Ткалич, потевший ногу в шахте в двадцать девять молодых лет и давно сроднившийся с протезом. Навещая старика, по-дружески о нём заботится.

Пять лет Юрий Иванович служил на флоте, ходил по морям. Сменив палубу крейсера на рыболовный траулер, другую пятилетку ловил рыбу, засаливая дары океана в дубовые бочки, доставляя добро в иностранные порты. Досадно было: свои-то россияне такой вкусной селёдки не видят. Сойдя на берег, батрачил в колхозе, рубил в шахте уголёк, а после травмы водил оперативную машину горноспасательного отряда. Случается, наливает по капельке на могилах мемориального комплекса, где упокоены товарищи. Сиживая у последнего пристанища товарищей, плёт горькую, слёзы из глаз капают, и роняет слёзы рябина над головой. Любят ягоду дрозды-рябинники, могилка ровно в красных слезах.

Друга Вовку всего жальчее, смерть он принял болезную. Встретил сына из армии, оженил его, помог оформить службу в отряде. Внука уже ждали, но погиб единственный сынишка при первом же спуске в преисподнюю. А ведь сам и доставил взвод сына по тревоге на шахту. Метан в штреке громыхнул, сразу забрал двадцать два горноспасателя. Ещё не извлекли молодого бойца из чёртовых завалов, а уже полгода прошло со дня трагедии, ещё не выдали на-гора последние жертвы адского взрыва — невестка аборт сделала! Всё кувырком, а тут с женой кавардак, чёрная кошка пробежала. И сломался Вовка — вылил на себя банку бензина, чиркнул зажигалкой. Жалко друга, да то ладно, что похоронен тут же, на мемориале, рядом с павшими товарищами.

Таков он, старик Санников: пустился бы в пляс, стеклянную тару ополовинив, да грехи не пускают. Успел состариться, похоронить жену, отсидеть срок по глупости. И ноги искалечил тоже по пьяной дури. Вот поди ж ты! Служа в военизированной отряде, спасал с бойцами-респираторщиками шахтёров, попавших в беду. А сам не уберётся. Не шахта, но тоже стихия тому виной. И себя клянёт, ясное дело: в тот морозный день на грудь принял лишка. Природа жестока и коварна, когда учует слабинку в человеке.

— Колюшка, — желая повторить, Иваныч протянул кружку, — ещё по капельке, и айда — в море. Отдать швартовы! Пузырь-то прихвати, закусон, какой

найдёшь. Ужо на острове, на земле Санникова — поднимем бокалы!

Нам, молодым и крепким, вёсла не доверил. Всю дорогу грёб размеренно, неутомимо, словно вся его сила в сухом, но ещё могучем теле сосредоточилась в цепких, жилистых руках.

— Вот здесь, на месте гибели Миши Нужина, долго стоял буй, — бросив вёсла и закурив, показал на воду Санников. — Жена ставила, когда лёд по весне сошёл. Уж сколько лет прошло, железная цепка, поди, поржавела. Ничего нет вечного, и буй сорвало в бурю. Никто не понял, погиб Мишка или убили его...

Бывали случаи, подрезали браконьеры ставники бригады, черпали сырка. Однажды в бурю ночные тати не устояли против крутой волны, опрокинули лодку. Один утонул, а двое до рассвета провисели на поводке и шесте ставника. Хорошо, собаки залаяли и донёс ветер мольбы о помощи. Сам Миша рисковал, но не испугался волны, спас людей. Едва расцепил руки парней, отрывая их от шеста. Выручал людей, даже таких пакостливых, а сам погиб.

Я смотрел на рябь воды, пытаюсь представить холодное зеркало полыньи, в которой утоп рыбацкий бригадир, не понимая, как Юрий Иванович помнил в этой сплошной, далёкой от берега воде место гибели знакомого рыбака.

С момента закладки охотничьего становища немало егерей оставили на полуострове следы хозяйственной деятельности. Разные были человеки. Встречались, кто хапужничал, истреблял разного лесного и норного зверя, хищно, с целью навару, черпал рыбу, пускал в распыл коллективное добро — инструмент, технику, лодки. Таким был егерь до Санникова, поставленный сюда в угоду начальству: подкармливал дарами природы заводских доброхотов, а сам, спрятавшись на стане от людских глаз, раздобывал в угодах, творил непотребное. Случалось, разделявал туши коров и лошадей, пригоняемых тёмной ночью.

Поговаривали, что за одним из таких занятий и застал мужика Михаил Нужин, наведавшись к соседу по перволёдку. В гости пришёл навеселе, с транзисторным приёмником. Возможно, там что-то произошло, но опять же догадки. Кололи лёд, искали бригадира баграми на месте бывшей полыньи. Вода перед тем, как ударить морозам, долго не замерзала. Не давали утки-подранки. Кого лисы утащили, какая птица, найдя силы, снялась и улетела. На краешке замёрзшей полыньи стоял транзисторный приёмник, слегка припорошённый снегом. На егеря завели уголовное дело, но тёмную историю по полочкам не разложили, уличить в убийстве не сумели. Сейчас он продолжает любить природу в другом хозяйстве.

На озере штиль, вода успокоилась до тихой глади. Темна, глубока водица, как и вся-то жизнь Иваныча. Старик бросил вёсла и, отведя лукавый глаз в сторону острова, обратился к председателю:

— Колюшка, до берега полверсты, давай жажнем по капельке. Небось не утонула радость наша. Пробку-то хорошо закрутил?

Загадочные люди — онкилоны, священное озеро, кладбище мамонтов, чёрная пустыня, дикари-вампу, речь шамана — мифическая книжная земля Санникова. А остров Санникова, затопленное становище, к которому плывём, вечная мерзлота в душах соотечественников, — реальность. И не шаман, а живой и умный старик — реальность. И остров с длинной косой засохшего на корню соснового леса — реальность. И странная, необъяснимая война человека с природой — реальность.

В лодке на воде рыбак, приехавший аж из Екатеринбургa поудить на живца крупного окуня. Он горько сожалеет об утопленном садке с грузом пойманной рыбы. Вязка не выдержала, лопнула. — Скидай штаны, ныряй за садком, он у тебя под лодкой, — пребывая в лёгком хмеле, шутит Юрий Иванович.

Рыбак — фаталист, не умеет плавать, но большой любитель рыбной ловли. Сочувствуя парню, Иваныч признаётся, что с этими своими ногами и он на воде — топор. Ходить в лодке легче, чем топтать землю ногами.

— Долго ли осталось топтать? — бурчит под нос старик.

Подгребаем к острову, сушим вёсла. Вижу стволы мёртвых деревьев, стены и крыши утонувшего становища. И кажется, что в озёрной толще воды мирно бегают белые и чёрные кролики, жуют травку рядом со стожком молодого сена. Вот женщина с подойником парного молока, ветхий плетень огорода, неубранная морковная грядка, жёлтые плети огуречника, лодки на берегу. Вижу то, что было и чего уже больше не будет. Ни на земле, ни в зеркале воды, ни в оставшейся жизни Иваныча.

На фоне тёмно-зелёных сосен, отражённых на глади озера, голубеет ставенка егерского дома. Ещё не коснувшись воды, мерно скрипит на петлях, словно плачет о горькой судьбе, сожалея о прошлом. Уходит под воду земля Санникова.

Соловей-пташечка

Жуя тормозки, извлечённые из потемневших от угольной пыли газет, шахтёры водили дублёнными пальцами по строчкам текстов.

— Почто ругаете пасхальные куличи? Зачем даёте списки бракоразводных процессов? На кой хрен нам налог на бездетность? А если человек не способен?..

— И сколько ты там, в твоей редакции, получаешь?

Вася Балин бесхитростно ответил:

— Сто двадцать рэ в месяц...

— Ну и дурак! — сказал щуплый, мелкого росточка, подвижный забойщик по фамилии Прутков. — Руки есть, ноги есть, голова на плечах. Приходи к нам, будешь зарабатывать по семьсот рублей!

Этот спуск в шахту стал последней каплей сомнений. Вернувшись в редакцию, Балин прямоиком зашёл в кабинет главного редактора.

— Михаил Григорьевич, нет сил, семья рушится. Решил я в шахту спуститься.

— Спускайся себе на здоровье. Ты же только из шахты, по глазам вижу, не всю черноту смыл. А что с семьёй?

Василию не хотелось жаловаться на жизнь. Родился второй ребёнок, денег кот наплакал, а он из шахтёрской семьи, с детства привык водить машину...

— Так и води на здоровье, — редактор нехотя оторвался от читки полос. — В чём дело-то?

— В бедности дело, тотальной! Машина отцовская, он в шахте бригадир, а у меня ни кола ни двора. Я не журналист вовсе, а бомж, живу у тёщи в примаках. Нет, я решил: спущусь в шахту, но в редакцию обязательно вернусь. Может, книгу о шахтёрах напишу!

Михаил Григорьевич поднял голову, поправил очки и сказал фразу, поставившую Балина в тупик: — Ты и не журналист вовсе. Журналисты те, кто в журналах сидят. Ты газетчик.

В коллективе Васю приняли тепло, прикрепив к опытному грозу, весельчаку и балагуру Ивану Михайловичу Пруткову. Получив наряд и раздевшись в чистой раздевалке, пришли в грязную. Освободившись от чистой одежды, Балин облачился в робу. Как ни старался, а упаковаться быстрее Пруткова не получилось. Одеваясь, спиной чувствовал, как быстро пустеет раздевалка. Ноги в сапогах, каска на голове — всё! Василий обернулся: раздевалка пуста, и только один человек терпеливо ждёт его.

— Привыкнешь, — сказал Иван Михайлович. — Айда в ламповую.

От волнения Василий покраснел. Запылали уши, лоб в испарине. Чтобы закрепить на пояском ремне банки с электролитом, вставить светильник в гнездо крепления на каске, перекинуть через плечо ремни самоспасателя и термоса, разместить в карманах куртки тормозок, алюминиевую флягу, рукавицы, найти надёжное место для бирок на спуск и выезд, требуются сноровка и время. Мужики всё делают по привычке, движения отработаны до автоматизма. А на плече горного мастера, к примеру, ещё дополнительно висят прибор контроля за воздушной средой и полевая сумка с документацией.

Вася, стараясь держать марку человека служилого, заметно суетился. И оттого, казалось, в новой брезентовой спецовке просвечивал насквозь.

— Ты ямокопательный институт не оканчивал? А у меня диплом с отличием! — вводил в курс дела Прутков. — Запомни: спешить в шахте надо медленно. Лучше совсем не спешить. Присматривайся

людям. У нас много талантов: инженеры, музыканты, агрономы, врачи, даже лётчик есть! Под каменным небом, ясное дело, нашему соколу тесно. Он из эзков, посидеть ему пришлось. От сумы и тюрьмы не зарекайся. Я тоже малёхо сидел, по малолетке. У нас даже цыган есть — Аркаша Авдеев! Поспорил с директором: отработает в яме десяток лет — рысака ему в подарок. Алексей-то Стаханов, слышь, тоже мечтал о сером рысаче в яблоках.

Остановились на дощатом перроне, сели в под-земный трамвай. Вагон заполнился шахтёрами и тронулся в направлении забоя, позванивая, как его наземный собрат.

— Руки, голову не высовывай, без них ты не работник, — Иван Михайлович решительно не умел молчать. — Так срок-то у цыгана заканчивается, пора директору жеребёнка присматривать. У Аркашки шестеро по лавкам, отцу до пенсии вламывать. Представляешь, цыган Аркаша — ударник труда! Спросишь, нет ли в шахте космонавта? Был конструктор космических кораблей. Когда на-гора поднялся и за колючку вышел, в Москву вернулся, с Королёвым работал. Был такой, Павлом Ивенсином звали! Слыхал? Он и придумал гидравлический комплекс! Ты на курсах теорию изучал, сейчас будем практику проходить. Комплекс против комбайновой лавы — космическая техника!

Последовала короткая пауза. Иван Михайлович шагал по мокрому трапу. Булькала под досками, капала с кровли вода. Вдруг остановился, замер и, постукав костяшками по каске, воскликнул: — Голова садовая! Космонавт тоже был, настоящий. Рубили уголёк за себя и Юрия Гагарина. Норма Юры — шестьсот тонн! Переписывались с ним, каску и лампу «Свет шахтёра» подарили. И он нам писал, в музее письма хранятся.

Иван Михайлович спустился в шахту, отслужив срочную. Когда спрашивали, где служил, отвечал: «У мамы под юбкой». В его бригаде ребята подобрались серьёзные, на шутки-прибаутки иногда обижались, но недолго. Как можно обижаться, глядя в улыбочивое, хитрющее, добрейшее лицо Ивана Пруткова? А службу Иван нёс в сибирских широтах, по соседству с посёлком Мама.

Как-то рассказывал: пожаловали господу на иномарке, в крутых прикидах. Спрашивают: «Вы Юрия Гагарина в свою бригаду записали, деньги на его счёт перечисляли?» — «Не деньги, а норму космонавта номер один на-гора выдавали. В чём, собственно, дело?» — «А дело в том, что на счету бригады в швейцарском банке лежат два миллиона шестьсот тысяч сорок американских долларов. Наш гонорар за информацию — десять процентов. Согласны?»

Ударили по рукам. Незнакомые люди вежливо попрощались, пообещав приехать с документами. Соседи спрашивают: «Что за делегация к тебе приезжала?» Иван Михайлович им в ответ: «Вы со

мною поаккуратнее, я теперь миллионер! Нашёл добрый человек, наш общий с Юрой Гагариным уголёк в „зелёные“ перевёл. Вот лежат они в швейцарском банке и не знают, как ко мне попасть. Так думаю: дёшево наш труд оценили. Каких-то два с половиной мильёна. Когда мы с Гагариным уголёк рубили, рубль с долларом на равных бодался!»

Байка ушла в народ, обрастая новыми подробностями. Обещал Иван, ежели деньги получит, поликлинику в посёлке открыть, клуб построить. Ещё пенсию соседям-шахтёрам повысить. Первые в его списке — ветераны-забойщики Боря Золотавин, Лёша Дьяконов, Ваня Горбунов — всего десять фамилий!

В хорошую байку народу всегда верить хочется. Даже Василий Балин чуть было не поверил.

Иван Михайлович дружит с Искандером Лягушиным по прозвищу Кум. В отличие от мелкого Пруткова, Кум мужчина крупный, серьёзный, но вспыльчивый.

В лаве, улучив время для перекуса, присели, развернули тормозки.

— Хороша парочка — баран да ярочка, — сострил кто-то из грозов.

Профком шахты наладил выдачу талонов для подземного питания. Друзья, отказавшись от домашних тормозков, по пути к стволу получают в буфете термос с горячим борщом и кашей, кулёк с хлебом и колбасой. И здесь же, в кулёчке, конфета-карамелька к чаю.

Сидят мужики, жуют тормозки. Борщ с мясом уплетают, кашу едят. В кульках всё одинаковое: пайка хлеба, срез сала или колбасы. И кульки одинаковые, а что разное — так это конфеты. У Ивана-соловья она шоколадная, обёртка серебряная. В луче светильника чистый алмаз сияет из темноты забоя. У Кума конфета простая, обычная карамелька, и фантик неприметный. Пыхтит Кум, молчит, на ум мотаает.

И так несколько смен кряду. Всё одинаковое: солнце, террикон, штрек, комбайн, звезда на копре, хитрющая морда Пруткова, а конфеты разные, хоть ты лопни! Нервы Кума не сдюжили. На-гора, перед спуском в шахту, устроил буфетчице Клавдии скандал.

— Что за дискриминация? — шумел он в лицо растерянной женщине. — Значит, Пруткову тормозок с шоколадкой, а мне завсегда карамелька? Какая промез вас любовь или коррупция?

Буфетчица Клавдия в слезах побежала в профком. Назначили комиссию, но пока сыр-бор, Прутков сам затушил пожар раздора:

— Успокойся, дорогой Кум. При чём здесь Клавдия? Нет между нами любви. Я сам кладу в свой тормозок шоколадку, а карамельку — в карман. Понимаешь — сам. Она и сейчас у меня в затайке. Я так шутю!

Иван Михайлович извлёк из спецовки карамельку. Её цветной фантик был чёрен от угольной пыли.

— Хочешь скушать?

Лягушин в ярости смёл с ладони друга угощение, забросил в тупик забоя.

— Пусть крысы твою конфету жрут. В следующий раз и я пошутю, весь тормозок твой крысам скормлю.

Василий Балин помалу втягивался в работу. Путь до лавы не близок: стоишь у ствола, летишь в клети, катишься в трамвае, спускаешься на горизонт по канатно-кресельной дороге, шагаешь по штреку, о многом успеваешь поговорить.

— Ты посуди. Разворачиваю газету, а там заголовок: «Люблю шахтёрскую спецовку!» Я так скажу: любить грязную, потную, вонючую спецовку не за что! Это чистый понт сквозного бригадира Кривушина. Он, двуликий Янус, выдал для красного словца. Да ведь отопрётся, скажет, что журналист придумал. Значит, весь спрос с вашего брата-газетчика!

Ещё долго перепевала шахта попавшую на острый язык Пруткова актуальную тему. Сидит в раздевалке мужик, пеленает ногу вонючей портянкой и лениво, с хрипотцой, лукаво говорит:

— Эх, люблю шахтёрскую спецовку!

Шутку подхватывают забойщики:

— В такую спецовку огородное пугало наряжать.

— Свои бы платил, лишь бы в неё не влезать.

— Такой спецовкой бомжей пугать!

Ну и прочее.

Однажды на верхнее сопряжение пришла «белая каска» — горнотехнический инспектор. Их брат любит вваливать замечания:

— Почему засыпано ходовое отделение? Премией не дорожите?!

— Да это Лягушка. На штреке стойку пробьёт и вычистит, — разливается оператор сопряжения Иван Прутков.

Из черноты штрека выплывает Искандер. Инспектор в праведном гневе:

— Товарищ Лягушко, почему завалено ходовое отделение? Невозможно пройти по лаве! Кто вгоняет топор в стойку, да ещё пихтовую? Забыли о технике безопасности?

Выдернув лезвие из хрупкой древесины, инспектор положил инструмент на угольный штыб. Дождавшись, когда проверяющий исчезнет в тёмном квадрате штрека, Лягушин поднял топор и только сейчас отпустил вожжи:

— Паскуда, начальник! Учить вздумал? Когда я в эту яму спускался, он на горшке сидел!

Размахнувшись, Искандер с силой вогнал лезвие в стойку. Пихтовый ствол, стоящий под подхватом, лопнул, как спичка. Упав на почву,

тяжёлый подхват хватил ГРОЗА по ноге, обещав без недельный больничный лист и лишение месячной премии за нарушение техники безопасности.

С лёгкой руки Пруткова по шахте загулял анекдот: «Идёт пьяный татарин по дороге, навстречу ему трактор. Он его останавливает и требует у тракториста права. Получил по физиономии, улетел в кювет. Выбирается из грязной канавы: „Останавливали и будем останавливать!“» Кум пыхтит и терпит, дружба сильнее обид.

Неожиданно встали ленты конвейеров, можно охолонуться на свежей струе. Балин сидит на валуне, слушает тишину эпох. Остужая лицо холодком вентиляционной струи, вытирает пот с чумазого лица грязным лепестком-респиратором. А каким был белым!

На конвейер выскочил серенький крысёнок. Потешно потёр лапкой носик, огляделся по сторонам и юркнул в отработанное пространство забоя. Мама-крыса так не поступает: взрослые зверьки загодя чувствуют опасность. В ту же секунду кровля в мёртвом пространстве грозно обрушилась. Воздушной волной смахнуло каску с головы, посыпался штыб из щелей железной кровли. И не стало малыша-крысёнка, потому как глухой.

Вася Балин восседает не просто на валуне, а на швырке окаменевшего миллионы лет назад дерева. По-научному—из эпохи палеозоя. Богатыри-шахтёры рубят уголь, но особо не вникают в его историю. Некогда им заниматься пустяками. В одном из последних репортажей Василий писал: «Здесь, на дне древнего моря, в каменных джунглях кордаитовой тайги, то и дело запинаешься за чурки стволов древесных динозавров, древних деревьев лепидодендронов, сигиллярий, каламитов. Годовые кольца, отпечатки листьев папоротника, рисунки растений видны без микроскопа...» И так далее, обычный репортаж со скромными иллюстрациями эпохи палеозоя.

В забое, разворачивая тормозки, шахтёры успевали прочитывать репортажи Василия и с удивлением узнавали, что рубят уголь на дне древнего моря, что окаменевшие ракушки—один к одному двухстворчатые перловицы, каких полно на местных озёрах. Случалось, вывозили на-гора и, спеша удивить, дарили детям и друзьям в качестве сувениров. Иван Прутков спросил у дочки-школьницы:

— Настя, помнишь, ты привозила ракушек с озера? Створочки у них изнутри перламутровые, с голубинкой.

— Папа,—отвечала дочка,—так вон они, створочки, на подоконнике лежат!

Иван протянул ладонь с каменной перловицей: — Посмотри-ка сюда. Этой ракушке триста миллионов лет! Мы в шахте-то по ним ходим. Древний

род, однако. Знай, где папка денежки зарабатывает—на дне моря, в тайге палеозоя!

Человек не железный, живой, в подземном космосе совсем комарик. Комбайн, к примеру, почишь—и дальше рубишь по пачке угля. С человеком сложнее: ломает и гробит его шахта. Если что серьёзное, Василий спрашивает себя: «Кто следующий?» Но никто не думает, что именно с ним может случиться беда.

Та смена, когда следующим стал Иван Прутков, была обычной, рядовой. Только занемог, не вышел на смену звеньевой, машинист комбайна Геннадий Худяков. Его, когда приспичит, подменял многостаночник Прутков.

Смотреть со стороны—красота, дух захватывает: в чёрном проёме лавы расцвёл пышный букет золотых искр. Чаще это случается там, где угольный пласт с сотворения мира начинён валунами. Торчит из груди забоя камень-дерево—и надо умело, не повредив шнек, вырубить его из угольного пласта. Но и гроссмейстеры ошибаются. Комбайн, зацепив шнеком ствол окаменевшего дерева,—как если бы сваленная ветром сосна перегородила лесную дорожку,—вдруг резко накренился на борт кабелеукладчика. В руке спецовки Пруткова затяжелела пустота. Услышав дикий вопль и за ним забористый мат, перегонявший секции Василий остановил многотонный подземный танк. По селектору забоя пронеслось: — Ивану руку отрубило!

На-гора, лёжа на окровавленных носилках, Иван Михайлович попросил закурить. Сознания не терял, а когда привезли в больницу, местный эскулап Сафин, ловко отделив половину левой руки ниже локтя, поместил её в прозрачный мешок со льдом. Всю дорогу до областного центра, а это двадцать километров избитой дороги, Прутков не обронил ни слова, курил и смотрел на свою отрезанную руку, висевшую в прозрачном пакете над головой. Хирурги областной больницы трудились за операционным столом двенадцать часов. Сложная операция, стартовав вечером, завершилась утром.

Укороченную конечность пришили, рука прижилась, давала возможность нянчиться с внуком, баловаться веничком в бане. Даже огород вёснами Иван вскапывал здоровой правой рукой.

Василий Балин, выехав на-гора после перевода в областную газету и купив на заработанные в шахте деньги однёшку «Ладу» (удобно объезжать шахты бассейна), время от времени навещал наставника. Иван Михайлович шутил, смеялся и обижался: — Что, дружба, опять за рулём? А чарку?!

Пролетели годы. Василий шёл привычным маршрутом в редакцию. Проходя мимо типовой пятиэтажки, оказалось, совсем недалеко от своего дома,

замер от удивления, увидев Ивана Михайловича. Взору предстал сухой, слепой, беспомощный старик. Он держал перед собой правую руку, как если бы ощупывал воздух. На удивление бодро поздоровался, узнав бывшего ученика по голосу. — Что ж ты так? — удивился Василий, не отнимая руки из слабой ладони Пруткова. — Изменился, дорогой Иван Михайлович!

— Катаракта, в холеру мать, на операцию собираюсь. Как сам-то? Всё у тебя ладно?

С высокого крутого крыльца дома сбежала молодая симпатичная женщина. Догадавшись, что родственница, Василий отступил в сторонку. — Папка, зачем ты приехал? Я звонила маме: мне уже легче. Вот зачем ты приехал? Не затащить тебя на третий этаж! Всё хорошо у нас. Внук твой в школе, зять на работе. Ты поезжай домой, я такси вызову.

— Не надо такси. Не узнаёшь меня, Капочка? — вышел из машины Балин. — К самому дому доставлю.

Старик пощупал рукой воздух, дотронулся до дочери, обнял здоровой рукой, замер на плече: — Вы-то не болейте, а с нами всё путём, всё хорошо.

Балин растерянно смотрел на наставника, вспоминая прежнего подземного соловья. Осиротела пташка-соловушка с перебитым крылом...

Колорадский жук

Гальки-галечки сурового Балтийского моря. Срабатанные из земной тверди, обкатанные прибоем, разных цветов и рисунков, — до чего хороши! Благолепие, шкатулка самоцветов! Шуршат, хрустят под ногами: гладкие, звонкие, манящие... Просятся в руки. Каждый день волны приносят новые галечки. Из каких таинственных глубин вымыло море эту райскую красоту?

Вытянувшись на полке купе, Гена Пряхин вспоминает синее море. Сказать по правде, вспоминает не как романтик, а как человек, чью душу греет неутолимая мечта о бизнесе и тугом кошельке.

Морей на земле много, все имеют названия: Чёрное, Красное, Жёлтое, Белое. Может, есть и Оранжевое? Для Гены Пряхина из уральской деревни Непряхино синее море — первое в жизни. Хорошо бы побывать на всех цветных морях. В прошлом году вырастил и продал картошку с двадцати соток. Спасибо жене Августе. На двоих денег не наскребли, и на вырученные за урожай рубрики отпустила она мужа одного. Нынче снова пахал и сеял, прибавив к наделу новые сотки. Повезёт с урожаем, выгодам сдадут клубни — на следующий год вместе поедут на Чёрное море.

Гена Пряхин, мужчина в расцвете сил, коренной сельский житель, возвращается в родную деревню из латвийского городка Вентспилса, где три десятка лет безвылазно живёт шурин Александр. Нравится Геннадию ездить поездом. Лучше ездить, чем летать. Родился трактористом, не лётчиком.

За окном самолёта только скучные облака. Когда небо безоблачное, любо посмотреть на земные просторы. Хорошо, но страшно. Высота — не его мечта. Летать дорого, да и боязно. Жена шурина, навестив родителей, возвращалась домой авиарейсом. Получил Сашка урну с прахом. И какой там прах, если столкнулись, взорвались и сгорели в воздухе два самолёта?

Крепко сложенный, росточка среднего, Пряхин легко устраивается на купейной полке, ноги поджимать не надо. Устав лежать на округлившемся в гостях животике, часами смотреть в окно, пассажир повернул затёкшее тело на спину. Удобнее уложив голову на подушке, размышлял. Потому, наверное, остался брат жены докером в приморском городке, что полюбил синее море, песчаные дюны и это дивное творение природы — цветные галечки. Хотя помнит Гена признание шурина под соснами местного кладбища. У могилы супруги-красавицы Александр, закурив сигарету, сказал: «Под этими камнями лежит половина моего сердца». С женой, не успев родиться, погибла дочка-мечта. У Сашки взрослый сын, женился, ждут внука.

Всюду цветной шлифованный камень, нет привычных памятников с оградками. На морском берегу песок и камень, на кладбище камень. Собери с российских погостов железо — танковую колонну можно построить или, скажем, атомный ледоход. И на Урале камня в избытке, за границу продают. Правильно делают! Не встречал Гена людей-торгашей, чтобы жили бедно. И сам пробует торговать, чем с Августой богаты: сено, дрова, грибы, рыба, дичь, опять же картошка. Дачникам удобно, и семье прибиток. В хозяйстве машина «Нива», считай, лавка на колёсах, но разбогатеть как-то не получается. Деньги приносит бизнес, а где он в деревне Непряхино?

Геннадий читал: богатым быть — деньги любить. Переставь слова местами, как в школе учили, — от перестановки слагаемых ничего не изменится. На белом свете Пряхин прожил тридцать лет, но пока не знает, как сделать свою жизнь богаче. Мерзкие деньги с мириадами микробов на мятых бумажках он глубоко презирает. И когда их касается, старательно моет руки с мылом. Когда денег в достатке, скажем, после продажи картошки, приятно: мужик, супермен, о-го-го! А когда их нет и горят трубы с похмелья, чем облегчить страдания? Августа копейки не даст, даже на пиво. Тогда он любит и уважает деньги виртуально-параллельно. Но чтобы постоянно их любить и быть богатым, Гена этого не понимает. Он и рад любить деньги, любоваться ими, хрустеть ими, но душа не принимает. Опять же родные и друзья толкуют: не жили богато! Но Гене Пряхину пока не расхотелось быть богатым, не поубавилось желания!

Не дают покоя морские гальки-галечки. Даже под стук вагонных колёс Гена слышит их приятный

хрусток под босыми ногами. Каждая галечка — произведение искусства. А главное, каждая имеет цену! Просверли дырочку, собери на суровую нитку — вот и ожерелье на шею жены Августы. И продать запросто можно. «Торгуйте, мол, богатейте, — шумит море, — у меня много такого добра!»

Если в своей деревне не найдётся охотников до такой красоты, есть районный центр, рядом город. Только много ли увезёшь морских галечек? Набрал в рюкзак, а вес — гиря пудовая! Шурин над Геной смеётся, а того не поймёт, что ходит по сказочному богатству. Можно в деревне ювелирную лавку открыть. Торгуй медальонами-сувенирами. Правда, для открытия лавки потребно камешков тонны!

Разных чудес насмотрелся Гена в портовом городке. Гуляя по Вентспилсу, снимал пейзажи европейской жизни, стоящие в порту и на рейдах корабли. Даже французские «Вирази» в объектив ловил, когда натовские истребители шныряли над морем. А такой экзотики, как коровы и быки, запечатлел целое стадо. Деревня обзавидуется упитанной скотине. Скульптуры с рогами и хвостами! И ни метра голой земли, ни кусочка асфальта, всё в декоративной плитке и цветочных композициях. В деревне после дождя без резиновых сапог не нагуляешься, а здесь чудно: триста велосипедных стоянок, десятки километров велодорожек!

За городом леса могучие, ухоженные, разбитые на кварталы. Дороги посыпаны крупным морским песком. Надо постараться, чтобы где-то застрять. А в родной деревне завсегда трактор на вырубке. Пашет Гена землю — за плугом прыгают чёрные головешки-грачи, а здесь в борозде расхаживают длинноногие птицы аисты. В уральском климате аисты не водятся, только в сказках живут. Принесла девка в подоле, а отца — тю-тю. Кланяться аисту или нет? А с грачами весна прилетает.

Телячий восторг свояка, стараясь не обидеть гостя, шурин остужал мягко: «Ты, братушка, не завидууй шибко-то. Возьми, к примеру, Непряхино. Наша деревня только белую армию помнит, то свои были, русские, а здесь столько иноземцев толклось — на пальцах не сосчитать, калькулятор нужен. Сейчас свободны: едут в Европу, моют там унитазы. Какая, к чертям, свобода, если баз натовских — как иголок на ёжике? Они культурные, справляют нужду там, где приспичит, туалеты без надобности. Я докером пахал, калийные соли грузил, болезни нажил. А спроси любого латышца — каждый сочтёт за благо на моё место встать. Нет в городе работы, поубавил порт обороты. Жили-то за счёт России, пришли другие времена».

Генка вздыхал, робко возражал: «Тут старинные замки и галечки на берегу. Изумруды-бриллианты! Ещё думал, что тайга только уральская и сибирская, с клюквой на болоте. Она и здесь в наличии. Но вот лес латышский — зоопарк: олени, кабаны, лоси. Фантастика! Как не позавидовать?

Ты меня на охоту свозил, кабанчика завалили. А я, если помнишь, в Германии служил. Сятая страна, зверя там тьма. Ехали в электричке: вдоль путей пшеницу скосили, она ещё в валках. Зайцев на них всем взводом считали».

Шурин ухмылялся: «Я от их чумной цивилизации как раз в лесу и спасаюсь, а ещё на даче. Она тоже в лесу. Тихо там, привольно, и природа — смак. Страна маленькая, гномик совсем, а охота не чета нашей. А грибов и ягод — сам видишь, торг на каждом перекрёстке!» Понимая, что хвастает, шурин находил контраргумент: «Желаешь неграм статью — приезжай. Я не гражданин страны, на выборы не хожу. Нашему брату туда запрет».

«На выборы и дома особо не тянет», — мысленно возразил Пряхин шурина. Перестук вагонных колёс ему не надоедает, он его усыпляет. Засыпая, видит родную деревню, уютно лежащую на косогоре реки Ницы. Речка в старице и омутах унизана белыми лилиями. Покачивая бёдрами, идёт по тропинке жена Августа, а на шее ожерелье, да какое: «Made in Latvia». Латышам завидовать? Расползлись, как тараканы, по богатым странам, работу ищут, а она ждёт их на кухнях да в туалетах.

А в своей-то деревне картошка нынче на загляденье. Не соцветия каштанов, ветки жасминов, бутоны роз: цветёт белым цветом картошка непряхинская — сад магнолий, да и только!

Очумев от московской суеты, разбоя вокзальной шпаны, Генка пересел в столице на фирменный уральский поезд. Ехать ещё долго, хотя дорога успела утомить. Уложив небритый подбородок на казённую подушку, вяло любитесь сквозь дремлющие веки пейзажами за окном. Оживляется, узрев заполонивших поля людей в полусогнутой позе. Они методически кланяются земле. В руках селян и дачников отсвечивают на солнце серебристые банки, белые ведёрки. «Чудеса в решете, — думает Гена. — Богато созрела клубника, если поезд всё мчит, а люди всё раком стоят!» Ход скорого поезда не позволяет детально понять, что за окном, но Гене мерещатся сладко пахнущие клубничные рядки.

Пассажиров окликнула пожилая проводница: — Чайку не желаете?

— А чай с клубникой? — сострил Гена.

— С какой клубникой? — спросила проводница.

— А вон за окном — все клубничку собирают.

Женщина бросила взгляд в окно и звонко для своей тучной комплекции рассмеялась:

— Где ты, мил-человек, клубнику увидел? Люди раком стоят? Так они колорадского жука с картофеля обирают. Может, чайку марки «Колорадо»? Заморский, вкусный! В здешней полосе колорадский жук всю картошку сожрал!

В глазах Геннадия померк свет. В селе Непряхино, в окрестных хозяйствах новость о колорадском жуке слышали вполуха. «А что, если?..»

Гена почернел лицом: «Прощай, мечта об урожае крепкой, окладистой картошки... А как же Чёрное море?»

Рейсовый автобус тормознул на деревенской улице в сумерках. До поздней ночи, оставив задачу подарков на утро, Гена делился с женой впечатлениями от поездки на синее море, угощал вкусным вином от шурина, показывал морские галечки! Все-то сразу не рассмотришь, их, почитай, рюкзак. Выбрали с женой особо красивые и приметные, чтобы связать в ожерелье. У Августы дамские украшения, кроме брачного золотого колечка и простеньких бус, полный дефицит.

Странно: утешившись с женой в постели и крепко уснув, не увидел Генка в тревожном сне хрустевшие под босыми ногами гальки-галечки. И море не увидел, и белые дюны, а так хотелось! Снились люди в чуждальной стороне, стоящие раком. Они усердно гибли спины, собирая колорадских жуков в большие вёдра.

С первыми лучами солнца Пряхин босым выбежал в огород. По деревне горланили петухи, ярко и сочно цвело картофельное поле. Гена не без гордости считал свои двадцать пять соток научно-селекционным участком. Вёснами сажал картофель, подбирая лучшие, стойкие, продуктивные сорта. Делился семенным фондом с родными и соседями.

Внимательно, рядок за рядком, осматривал босой селекционер ярко-изумрудную, сверкающую росой картофельную ботву и уже на самой середине поля обмер. Заметив на обсохшем зелёном листочке кладку жёлтой икры, застыл от ужаса. Рядом, на соседнем листке, вальяжно сидел... полосатый жук.

Свои дальнейшие действия Генка осознавал смутно. Поместив жука в банку с крышечкой и брезгливо опустив туда же лист с ядовито-жёлтой икрой, воткнул в месте находки черенок тяпки. В его отсутствие жена корпела над картошкой, старательно окучивала ряды. Пряхин где-то слышал и был уверен, что умертвлять колорадское чудовище следует там, где нашёл: сжечь и закопать на глубину промерзания почвы.

Выломав из изгороди рассыпшиеся пряслины, завёл отдохнувший во дворе трактор «Беларусь» с ковшем и рванул в пролёт, встав у воткнутого в землю черенка. Выгрыз в податливой земле двухметровую яму, не замечая, что ковши с чернозёмом и глиной сыпает на ровные, добротню окученные рядки картофеля. Сбегав в сарай, прикатил по цветущей ботве бочку солярки, слил маслянистую жидкость в яму. Ошалело допрыгал до поленницы за лоскутом берёзовой коры. Со злорадством бросил в солярку на дне воронки банку с жуком и икрой, дрожаями пальцами выдернул сигаретку из пачки «Примы». Жадно закурил, запалил сухую бересту. В рассветное небо развороченная земля выдохнула столб чёрного дыма.

Генка не видел, как на пожар сбежались соседи. Из контузии забытья вывел сумасшедший крик Августы, вернувшейся с утренней дойки:

— Ирод, что ты наделал? Орясина безмозглая, сволочь недорезанная. Заставь дурака молиться...

По-разному судили люди о поступке Генки-картофелевода. Одни толковали, что мужик погорячился, другие — что подвиг совершил, пожертвовав образцовым огородом ради общественной пользы. Когда улеглись страсти, Гена, вспоминая о дорожных впечатлениях, пробовал шутить:

— Это я, земляки, клубнику собирал... тракторным ковшем!

Откуда было знать Генке Пряхину, что полосатый колорадский жук, тварь американская, имеет крылышки и способен покрывать десятки километров российских просторов? Уже на следующее лето, в пору цветения ботвы, непряхинцы дружно стояли раком, собирая жука на своих картофельных полях.

Рассвирепев в момент мужниного преступления, Августа выволокла из дома неподъёмный рюкзак с гальками-галечками и высыпала драгоценное содержимое в дорожную пыль. Бизнес Пряхина умер, так и не начавшись.

Генка заработал в деревне две клички: Колорадский Жук и Клубника. В обществе земляков отдаёт предпочтение ягодной кличке, а дома всё зависит от настроения жены Августы.